

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH192306-325>

Исследовательская статья

Мусаев Махач Абдулаевич,
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
mahachmus@gmail.com

ДАГЕСТАНСКАЯ АНТРОПОНИМИЯ В МЕСТНОЙ АРАБОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПУБЛИКАЦИЙ

Аннотация. Арабский язык, пришедший на Восточный Кавказ вместе с исламом, с течением времени и углублением исламизационных процессов стал для региона языком письменности. Он сохранял этот статус вплоть до конца 20-х гг. XX в., основательно изменив местную номенклатуру имен собственных и полностью приспособив их написание к устоявшимся правилам арабской антропонимической системы, составными частями которой являлись *кунья*, *мансаб*, *исм*, *насаб*, *нисба* и *лакаб*. Дагестанская антропонимия в местных арабоязычных текстах функционировала по правилам и в рамках арабо-мусульманской антропонимии, однако имела ряд особенностей. Основой дагестанского антропонимикона стали имена, сокращенные до *урф*, то есть достаточные для идентификации. Это имена, состоящие из имени личного, зачастую с *насаб*, а также *нисбы*, образованной по географическому принципу и связывающей личность с его общиной (селением) или союзом общин. Наиболее используемой данная форма стала по той причине, что она повторяла местную дагестанскую модель идентификации и самоидентификации личности. Опыт работы с дагестанским арабоязычным письменным наследием позволяет отметить определенные сложности при чтении и идентификации местных *нисб*: отсутствие арабских эквивалентов части букв дагестанских языков, трансформация *нисб* во времени, перевод значений *нисб*, сокращение их и пр. Проблема решается составлением словаря дагестанских *нисб*, модель которого предлагается в данной работе. Обращено внимание на особенности передачи дагестанской арабографической антропонимии кириллицей: сочетание транслитерации, транскрипции и др., которые, несмотря на противоречие, зачастую сочетаются в рамках одного публикуемого исследования. Предлагается использовать единый подход в рамках одного исследования, при этом оптимальным путем передачи дагестанской антропонимии видится использование оригинальной арабской графики при первом упоминании, а в дальнейшем по тексту отображение упрощенной транскрипцией максимально близкой к звучанию на дагестанских языках.

Ключевые слова: дагестанская антропонимия; арабская антропонимия; письменная культура; *нисба*; антропонимика; ономастика,

Для цитирования: Мусаев М.А. Дагестанская антропонимия в местной арабоязычной письменной традиции: некоторые практические вопросы источниковедческих исследований и публикаций // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 306-325. doi: [10.32653/CH192306-325](https://doi.org/10.32653/CH192306-325)

© Мусаев М.А., 2023

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH192306-325>

Research paper

Makhach A. Musaev,
Cand. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
mahachmus@gmail.com

DAGESTAN ANTHROPNOMY IN THE LOCAL ARABIC-LANGUAGE WRITTEN TRADITION: SOME PRACTICAL ISSUES OF SOURCE STUDIES AND PUBLICATIONS

Abstract. The Arabic language, which came to the East Caucasus along with Islam, with the intensification of Islamization processes became the language of writing for the region. It maintained this status until the end of the 1920s of the 20th century, fundamentally changing the local nomenclature of proper names and fully adapting their spelling to the already established rules of the Arabic anthroponymic system, the components of which were *kunya*, *mansab*, *ism*, *nasab*, *nisba* and *lakab*. Dagestan anthroponymy in local Arabic texts functioned according to the rules and within the framework of Arab-Islamic anthroponymy; however, it had a number of peculiarities. The basis of the Dagestan anthroponymicon was the names abbreviated to 'urf, which was sufficient for identification. These are names consisting of a proper name, which often goes with a *nasab*, as well as a *nisba*, formed according to a geographical principle and attributing a person to their community (village) or union of communities. This form became the most common due to its similarity with the local Dagestan model of identification and self-identification. The experience of working with the Dagestan Arabic-language written heritage has allowed us to point out certain difficulties in reading and identifying local *nisbas*: the absence of Arabic equivalents of part of the letters of the Dagestan languages, the transformation of *nisbas* in time, the translation of *nisbas*' meaning, their abbreviation, etc. This problem can be solved by compiling a dictionary of Dagestan *nisbas*, the model of which is proposed in our study. The paper also highlights the peculiarities of the denotation of Dagestan Arabic anthroponymy in Cyrillic: a combination of transliteration, transcription, etc., which, despite the contradiction, are often combined within the framework of a single publication. We propose to use a unified approach within the framework of one study, while the best way to convey Dagestan anthroponymy is to use the original Arabic script at the first mention, and later in the text to denote it with a simplified transcription as close as possible to the phonation in Dagestan languages.

Keywords: Dagestan anthroponymy; Arabic anthroponymy; written culture; *nisba*; anthroponymy; onomastics.

For citation: Musaev M.A. Dagestan anthroponymy in the local arabic-language written tradition: some practical issues of source studies and publications. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 2. P. 306-325. doi.org/10.32653/CH192306-325

Краткая история развития арабской антропонимической системы и приобретение классической формы

В доисламские времена и в период начала распространения ислама общепринятой в арабском обществе была самоидентификация и идентификация человека по его имени собственному (*исм*) с прибавлением, в случае необходимости, имени отца и других предков по мужской линии (*насаб*). Цепи *насаб*, как правило, завершались именем реального или легендарного прародителя всего племени. Если же распознавание человека требовалось для третьих лиц, то, обычно, использовали имя собственное с добавлением имени прародителя племени. В этом случае племенное обозначение принимало форму *нисбы* (суффиксация, где дополнением к производящей основе слова служит суффикс «и», к примеру, *бадр* «луна» – *бадри* «лунный»). По случаю между именем и *нисбой* мог быть вставлен один (или несколько) *насаб*, т.е., если бы человек именовал себя полным именем «Я, ал-Харис б. Асад б. Зайд б. Сабит б. Авс б. Бакр» – «Я, ал-Харис, сын Асада, сына Зайда, сына Сабита, сына Авса, сына Бакра» (*Бакр* – это легендарный предок племени Бакр), то его именовали бы «ал-Харис ал-Бакри» или «ал-Харис ибн Асад ал-Бакри» («ал-Харис, сын Асада ал-Бакри»).

Рождение наследника в арабском обществе было важным событием, которое отражалось на общественном положении человека. Теперь к нему следовало обращаться, подчеркивая его возросший статус. Для этого служила *кунья* – приставка к имени, состоящая из двух компонентов – *Абу* («отец»), или *Умм* («мать») с добавлением имени первенца. Например, *Абу-‘Усман* (Отец Усмана) или *Умм-‘Усман* (Мать Усмана), если сын назван ‘Усманом. Начиная со второго века хиджры, наблюдается тенденция к тому, что к человеку равного или высшего социального статуса становится общепринятым обращаться не по имени, а по *кунья*.

Урбанизация и распад родового строя в арабо-мусульманском обществе привели к появлению *нисб*, образованных на географической основе, принадлежности к одному из мазхабов, к определенной сфере профессиональной деятельности и пр. Многие люди, чьи имена зафиксированы в средневековых арабских текстах, имеют более одной *нисбы* (ал-Багдади ал-Харири – багдадец, продавец шелка; ад-Димашки аш-Шафи‘и – дамаскинец, шафиит).

Еще в доисламский период в дополнение к личному имени человек мог иметь прозвище – *лакаб*, позже приобретшее смысл почетного эпитета. *Лакаб* служил для идентификации человека и часто он мог быть более известен по данному эпитету. Первые аббасидские халифы инициировали практику присвоения почетных титулов правителям в форме *лакаб* (*ал-Мутаваккил ‘ала-Ллах* («Полагающийся на Аллаха»), *ал-Мустансир би-Ллах* («Просящий помощи Аллаха») и др., сокращаемые до *ал-Мутаваккил*, *ал-Мустансир*. При цитировании полного имени человека почетный эпитет чаще всего указывался в самом его начале, перед *кунья* и *исм*, хотя иногда выносился в конец и ставился после *нисбы*. Последнее стало нормой в более поздний период.

Примерно в это же время, с конца второго века хиджры, халифы (а позже султаны) начали даровать видным государственным деятелям почетные имена, получившие статус титула – *Сайфуддавла* («Меч государства»), *Низамулмулк* («Порядок царства»), *Салахутдин* («Благочестие веры») и др. Их компонентами стали *дин* (религия), *давла*

(государство), *мулк* (владение). Данная практика отражала социальную стратификацию арабо-мусульманского общества, наметившуюся тенденцию необходимости обращения в соответствии с занимаемым общественным положением.

В Аббасидский период завершилось сложение стройной арабской антропонимической системы, составными частями которой стали *кунья*, *мансаб*, *исм*, *насаб* (с или без дополнительных *насаб*), *нисба* (или несколько *нисб*) и *лакаб*. Ясно, что такая форма именования человека была слишком громоздкой для общего пользования и возник обычай сокращения полного имени до условного или достаточного для идентификации (*урф*), – произвольно выбранного компонента (или компонентов) полного имени, которым человека обычно называют, к примеру, – *Ибн Сина*, *Абу-Ханифа*, *Фахруддин ар-Рази* и т.д. [1, р. 2-8].

Составные элементы арабской антропонимической системы и их употребление в дагестанских арабоязычных текстах

Кунья (*текноним*, *كنية*). Первый, но не обязательный элемент арабской антропонимии, Применение арабской *кунья* не получило распространение в Дагестане, хотя мы можем привести единичные случаи. Например, в отношении *‘Абдурахмана ас-Сугури* использована *кунья* *Абу-Ахмад* [2, с. 107–108].

Лакаб (*эпитет*, *لقب*). Изучение дагестанского материала показывает, что использование *лакаб*, как и *кунья*, в регионе не прижилось, хотя в самих именах можно встретить указание на то, что приводится «*лакаб*». В качестве образцов можно привести некоторые из них, встречающиеся в колофонах рукописей: «Закончил [переписывать] книгу, которая называется «*Сайид аш-Шариф*» слабый раб, нуждающийся в господе Всевышнем, Мухаммад ал-Карати, прозванный (*ал-мулакаб*) Хикалав»¹; «Переписчик – Хаджияв, сын Мухаммада, прозванного (*ал-мулакаб*) Цетав (ЦетГав (диал.) – «голубоглазый» на аварском языке), сына хаджия² Хасана, сына паломника двух святынь хаджия Раджаба»³, и др.

Из данных цитат мы видим, что под *лакаб* подразумевались не эпитеты, а прозвища или прозвания, т.е. дополнения к имени, которые закрепляли устную традицию именования человека, или служили для того, чтобы отличить данное лицо от тезок. Они не несли какой-либо положительной или отрицательной составляющей. Между тем, Коран (49:11) предопределил смысловое содержание *лакаб* как прозвания в положительном смысле этого слова, т.е. эпитета.

Прозвания могут быть и исключительно письменными. Например, в дагестанской традиции известны *Хасан ал-Кабир* («Старший») ал-Кудали и *Хасан ас-Сагир* («Младший») ал-Кудали. Они жили в разное время, и дабы не было путаницы в отношении Хасана, жившего позднее, использовали характеристику «младший». В то же время Хасан, живший ранее, стал персонализироваться как «ал-Кабир». В данном случае особенность в том, что эпитеты *ал-Кабир* и *ас-Сагир* в текстах указываются не

1. Рукопись по риторике арабского языка. Дата переписки: 1687/88 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. № 1602.

2. В тексте: ал-хаджжи. Полагаем уместным передачу *мансаб* «ал-хаджжи» и «аш-шайх», как хаджий и шейх.

3. Рукопись по грамматике арабского языка. Дата переписки: 1715/16 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №554(а).

до имени, как это было принято в первые века ислама, и не после *нисбы*, как это повелось позднее, а сразу после личного имени. Видимо для того, чтобы было восприятие, что это не *лакаб*⁴.

Понимание того, что это прозвания, а не *лакаб* было у автора биографического словаря начала XX в. 'Али ал-Гумуки (Каяев). В подобных случаях он избегал использования термина, что можно проиллюстрировать на отрывке из его труда: «*Арабские науки он изучал у Беццав («Слепой» на аварском языке) Исупа, то есть Йусуфа Слепого (ал-А'ма) ал-Митлипти*» [5, с. 58]. В последнем случае в тексте приводится как оригинальное прозвище, так и его перевод на арабский язык⁵.

В целом же 'Али ал-Гумуки (Каяев) использует термин *лакаб* (*ал-мулакаб* – الملقب) для того, чтобы обозначить, что, несмотря на наречение одним именем, богослов был известен под другим – Мухаммад-Амин из Арчиба, прозванный Казакилавом, Мухаммад-Шафи', именуемый Дибир-кади ал-Авари, 'Абдуллах ас-Сугури по прозвищу Шайтан, Мухаммад, прозванный Мамма-Киши ал-Индирави, и т.д.⁶.

Подобные прозвания являются частью устной традиции, и они письменно, хотя и редко, указывались даже в том случае, если не было необходимости для полной идентификации человека. Основатель имамата Гази-Мухаммад отличался высоким ростом и имел прозвище «Халатав» («Высокий» – на аварском языке). В текстах можно обнаружить приставку «*ат-Тавил*» («Высокий» – на арабском языке). Аналогичный этому образец – это дополнение к имени аварского нуцала Умма-хана – *ал-Кабир*, что является переводом приставки к его имени, которая на аварском звучит как Кудияв («Старший», «Большой», «Значительный»). На этих примерах можно заметить, что в Дагестане существовала традиция присваивать прозвища или эпитеты правителям феодальных владений или политическим фигурам, что нашло отражение в местной арабской литературе. В некоторых случаях можно встретить их в переводе на арабский язык, как указано выше, а в некоторых – передачу собственно прозвища в том виде, каком они звучат на дагестанских языках – Сурхай Чолак («Однорукий»)⁷, Сурхай Кунбуттай («Большой отец» или «Многодетный»), Тишсиз («Беззубый») Баммат.

По последнему прозвищу видно, что, несмотря на коранический императив, они существовали и в обидной форме. Как разновидность можно привести и пример другого прозвища вышеупомянутой исторической личности. Речь об имаме Гази-Мухаммаде, известном в русскоязычной литературе, прежде всего дореволюционной, как Кази-Мулла. Один из дагестанских ученых, Йусуф ал-Йахсави, будучи идеологическим противником имама, написал сочинение «*Тухфа ал-Карар 'ала Кузи-Малла ал-Гарар*» (Дар [вновь и вновь] нападающего (подразумевает себя) на обманщика Кузи-Муллу) [7, с. 635]. «Кузи» – одновременно подражание русскому именованию и умышленное искажение термина кадий, которое следует понимать,

4. Рукопись по грамматике арабского языка. Дата переписки: середина XIX в. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №169.

Также можно встретить Хаджи-'Али Второго (ас-Сани) ал-Акуши [3, с. 165].

С пониманием «ас-Сагир» необходимо быть осторожным. Можно встретить «ас-Сагир», как перевод части имени ГьитИнав, что означает на аварском языке «Младший» [4, с. 203].

5. Прозвища могли не требовать перевода. Это можно отнести к слову «Шайтан», которое прибавлялось к имени известного дагестанского богослова 'Абдуллаха ас-Сугури, предвосхищавшего астрономические явления и удивлявшего этим современников [6, с.104–105].

6. 'Али ал-Гумуки (Каяев). «Тараджим 'уламаи Дагистан» («Биографии дагестанских ученых-богословов»). Рукопись на арабском языке. Л.16, 22, 58, 69.

7. Современником Чолака являлся турецкий султан Махмуд I (правил 1730–1754) по прозвищу «Камбур» (Горбун).

как недокадий. Это прозвище закрепилось за Гази-Мухаммадом в среде местных его врагов⁸.

Относительно *лакаб* следует сделать одно важное дополнение. Его не следует путать с почетными титулами, эпитетами, подчеркивающими уважение, которыми награждали ученики и авторы биографических трудов, особенно суфийских. Например, – «‘Абдуразак, прозванный (ал-мулакаб) столпом общины и веры» (عبد الرزاق الملقب بعماد الملة و الدين)⁹. В данном случае это не часть полного имени.

К именам *лакаб* относят псевдонимы поэтов, писателей и людей культуры, объединяемые термином *тахаллус* (или *махлас*) [8, р. 123]. Тахаллус могут иметь какую-либо связь с личными качествами носителя, с характером и стилем его произведений, с именами меценатов, с названием места проживания и т. д. Так, к примеру поэт *ал-Баис* был назван по стиху, который начинается словом того же корня, *ал-Мутанабби* по роду своей политической деятельности, а у поэта *Омара Хайяма* – «хайам» – это *лакаб*, означающий «палаточник». Такое прозвание обычно должно было упоминаться в конечном стихе каждого произведения поэта и служило знаком авторской принадлежности. Этой традиции следовал дагестанский богослов и поэт *Хасан ал-Алкадари* (автор сочинений «Джираб ал-Мамнун», «Диван ал-Мамнун» и др.), носивший псевдоним *ал-Мамнун* («Благодарный»).

Иногда, в том числе и Дагестане, в состав имени включался *мансаб* (إسم منصب) – должность, профессиональное занятие и т. д., указывающее на социальное положение, достижения и т. д. Примерами *мансаб* могут служить: *ал-‘алим* (ученый-богослов, алим); *ал-кади* (судья, правовед, кадий); *аш-шайх* (шейх – суфийский, или выдающийся ученый-богослов); *ас-сайид* (потомок пророка Мухаммада); *ал-хаджжи* (совершивший обряд хаджа, хаджий); *ал-амир* (правитель, феодальный владетель, эмир). В особую группу *мансаб* можно выделить титулы, обозначающие должности в Кавказском имамате – *амир ал-му’минин* (повелитель правоверных, глава); *ал-имам* (имам)¹⁰; *ан-наиб* (глава административно-территориальной единицы государства), *ал-мудир* (глава округа, объединявшего несколько территориальных единиц), *ал-мухтасиб* (блюститель, лицо, наблюдавшее за соблюдением законности).

Все выше перечисленные *мансаб* в дагестанских текстах, как правило, указываются в самом начале, до имени. Исключением может служить эпитет *ал-хаджжи* (совершивший хадж, хаджий), который в некоторых случаях без артикля указывается сразу после имени. Например, Мухаммад-хаджи.

Также сразу после личного имени зачастую указывается *мансаб* греческого происхождения *афанди* (Мухаммад-афанди и др.), служивший для вежливого обращения, и имевший значение «господин». Чаще всего термин *афанди* использовался в связке с именами суфийских шейхов.

В виде постфиксов к имени указывались также титулы, передававшиеся по наследству – *хан*, *нуц(/с)ал*, *бек*, *шамхал*, *уц(/с)уми*, *ма‘сум* (‘Умма-хан, Махди-шамхал, Мухаммад-нуцал и т. д.). На примере правителя Казикумухского и Кюринского ханств Аслана можно четко проследить, что, когда он был членом правившей

8. В некоторых современных исследованиях все еще продолжают именовать Гази-Мухаммада Кази-Муллой.

9. Рукопись по грамматике арабского языка. Дата переписки: 1711 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №1238(а).

10. Анализ текстов показывает, что термин *амир ал-му’минин* использовался для внешних сношений, а *имам* для внутригосударственного пользования.

в Гази-Гумуке семьи в официальной корреспонденции, как адресатом, так и адресантом, он именовался Аслан-беком, как только стал правителем – Аслан-ханом.

Исм (личное имя, اسم) – имя личное, также обозначается термином 'алам или *исм* 'алам. Особенность арабских имен в том, что они почти всегда имеют понятное и переводимое значение. Арабо-мусульманские мужские личные имена¹¹ можно типологизировать: 1) древние арабские имена доисламского происхождения – *Хасан* (Хороший), *Ахмад* (Самый восхваляемый) и т.д.; 2) библейские имена в коранической форме: *Ибрахим* (Авраам); *Муса* (Моисей) и др.; 3) имена, образованные по определенной модели: а) с 'Абд (Раб) в начале имени с добавлением одного из девяти имен Аллаха – 'Абдул'азиз (Раб Всемогущего) и др.¹²; б) имена, включающие в себя «Аллах» в конечной части структуры. Например, *Са'адуллах* (Помощник Аллаха), и др.; в) имена, включающие в себя «Дин» (религия, вера) в конечной части структуры: *Садруддин* (Опора веры), и др.; 4) имена на основе *кунья* или части *насаб* (см. ниже) известных в истории ислама личностей (*Абу-Бакр*) и т.д.; 5) заимствованные имена, например, из древнеиранской истории (*Хосров*), тюркской антропонимии, связанной с выдающимися личностями ислама (*Арслан*) и др.; 6) имена, основанные на абстрактных существительных, иногда с суффиксом «и» (*Тавфик*, *Фахри*), получившие распространение в период доминирования Османской империи в исламском мире [9, с. 179].

Имена всех вышеперечисленных типов носили дагестанцы, упоминаемые в местных арабоязычных текстах. Помимо арабских имен (а также персидских и тюркских имен, вошедших в арабский именник) также представлены:

Имена дагестанского происхождения, например – Кебед (*Къебед*), Кудивас (*Кудивас*), Анх (*ГПанх*), Лахиялав (*ЛалхИялав*)¹³ и др.;

Имена, заимствованные в номенклатуру имен дагестанских народов в доисламскую эпоху, например, – Эрекли (*ГъерекЛи*, от Ираклий), 'Алисканти (*ГПалисканти*, от Александр), *Тидури* (от Теодор);

Арабские имена, получившие локальную форму при добавлении окончаний характерных для местных языков, например, – Ахмадилав (*АхИмадилав*), Махмудилав (*МахИмудилав*);

Арабские имена, получившие локальную форму вследствие искажения, например, Махамад¹⁴ (*МахИмад*), Мамма (*МагИамма*), Баммат, Баганд (*БахИанд*);¹⁵

Комбинированные имена, где часть имени имеет местное дагестанское происхождение, часть арабское: Хитинав-Мухаммад (*ГъитИнав-МухИаммад*, *ГъитИна-МухИама* или *ГъитИнав-МахИамад*)¹⁶, т.е. «Младший» Мухаммад;

Имена, образованные от местных дагестанских *нисб* (см. ниже): *Къудукъилав*, *Йарагъи(-яв)*, *Сугъури(-яв)*.¹⁷

11. Мы сконцентрировались исключительно на мужских именах, поскольку в письменной культуре подавляющее большинство имен являются мужскими, а также учитывая то обстоятельство, что изложенные ниже принципы формирования и функционирования мужских имен применимы и к женским.

12. Имена, образованные по данной модели и включавшие названия языческих божеств исчезли из употребления с утверждением ислама ('Абд ал-Манат, 'Абд аш-Шамс и др.). Считается, что имена подобного типа являются производными от эпитетов (лакаб) первых мусульман.

13. Переводится с аварского как «Обмазанный сажей» и является именем-оберегом.

14. Без *ташдид* над буквой «м».

15. Все перечисленные имена являются локальными искажениями имени Мухаммад.

16. В том числе и в усеченной диалектной форме – Тина-Махама (*Тина-МахИама*).

17. Например, имя Къудукъилав (Рукопись по риторике. Дата переписки: 1733 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. № 1195).

Имена, образованные от *нисб* известны и в арабской традиции.

Уменьшительно-ласкательные имена, ставшими именами личными – *МахIахI* (от Мухаммад), *ГIадукI* (от 'Абдуллах), *КъурахI* (от Кура-Мухаммад) и др.

К особенностям дагестанского именослова следует отнести то, что значительное распространение в сравнении с арабо-мусульманским миром получили: двусоставные имена, состоящие из комбинации двух арабских имен, например: Мухаммад-'Али (*МухIаммад-ГIали*), 'Али-'Умар¹⁸ (*ГIали-ГIумар*) и др.; имена, указывающие на обстоятельства рождения, в частности, происходящие от арабских названий месяцев, например: *ШагIбан*, *Рамад(/з)ан*¹⁹, *Радж(/ж)аб* (с локальными формами *Рабдан*, *Ламазан*, *Лабазан*, и т.д.); имена, образованные от почетных титулов (*хитаб*), например: *хадж(/ж)и*, *амир*, *мулла* (вар.: *малла*) и др. Чаще подобные имена являлись частью двусоставного имени (*АхIмад-ХIажу*, *Амир-ГIали*, *Малла-ХIажияв*).

Здесь важно учитывать, что арабское по происхождению имя, войдя в именник дагестанских народов, становится дагестанским именем, частью антропонимиконов дагестанских народов.

Практика изучения записей и надписей показывает, что многие местные имена вытеснены арабо-мусульманской антропонимией полностью, или остались в единичных случаях, и их чтение, когда отсутствуют огласовки, почти всегда под сомнением [10, с. 1087]. В некоторых случаях помогают долготы, но их чрезвычайно редко использовали в Средневековье. Например, имя ученого богослова Мухаммада б. Титалава ал-Карати (более известного как Титалав, что означает «сын Титавы»), так и осталось бы прочитанным неверно²⁰, если бы в одной из рукописей оно не оказалось огласованным [12, с. 3226].

В единичных случаях возможны проблемы с идентификацией личности, вызванные передачей имен в переводе на арабский язык. Выше приводился пример, где имя Гитинав («ГъитIинав» на аварском «Младший»), передано на арабском как «ас-Сагир» (Младший). Отчасти схожий пример связан с богословом и шейхом первой половины XX в. Гитинав-Мухаммадом (букв.: Младший Мухаммад) из Андыха. Его имя в письме стали передавать как Хумайд, что является арабским уменьшительно-ласкательным (*исм сугайра*) от Мухаммад. Впоследствии имя Хумайд закрепилось за ним как личное²¹.

Насаб (патроним, نسب) – родословная, имя отца, предваряемое *ибн / бну* (сын / ابن) или *ибнат / бинт* (дочь / ابنة): *Мухаммад ибн 'Усман ибн Ахмад* (Мухаммад, сын Усмана, сына Ахмада), *Фатимат бинт Ахмад* (Фатима, дочь Ахмада). Правила арабской орфографии предполагают исключение первой буквы в термине *ибн – бну* (بن) и написание *бинт* (بنت) вместо *ибнат*²². В некоторых случаях перечисляется большая цепь предков, но, как правило, принято ограничиваться одним или двумя. Если в истории известно два человека с одинаковым именем и *нисбой*, то для различия могут быть добавлены одна или несколько *насаб*. В специализированной литературе

18. Мы используем дефис, чтобы показать, что это одно имя, с учетом того обстоятельства, что в письме конечная «йа» первой части имени и начальное «'айн» второй части имени, не соединяются.

19. Арабская буква «Дад» (ض), присутствующая в слове Рамадан, в Дагестане читается по персидской традиции как «З» или «Дз».

20. Оно читалось ранее как Татилав [11, с. 6].

21. Встречаются и экзотические случаи. Имя богослова XX в. Бахухилава из Гента, образованное от аварского слова «бахъухъ», наименования дагестанской сладости (готовится из масла, муки и сахара), передано как «ал-Хабиси» («الخبصي»). «Хабис» – это название одной из арабских сладостей (изготавливается из фиников, сливок и крахмала).

22. Полная форма *Ибн* пишется, если является началом имени, или, если с данного слова начинается новая строка.

общепринятым является сокращение *ибн* и *бинт* в форме «б.» – Мухаммад б. ‘Усман, вместо Мухаммад ибн ‘Усман.

Насаб мог служить именем, по которому человек известен, т.е. в качестве идентифицирующего имени могли использоваться не *кунья*, не *исм* и не *нисба*. Например, полное имя известного богослова Ибн-Хаджара – Шихабуддин Абу-ал-‘Аббас Ахмад ибн Мухаммад ибн Мухаммад ибн ‘Али ибн Хаджар ал-Хайтами ас-Са‘иди ал-Макки ал-Ансари аш-Шафи‘и.

Редко, но в дагестанских сочинениях можно встретить указание *насаб* не в арабской форме, а в аварской. Например, ‘Умарил Мухаммад (Мухаммад, сын ‘Умара). Но трудно определить в каждом конкретном случае это *насаб* в аварской форме или личное имя. В данном случае, человек мог быть назван в честь того, кто носил имя Мухаммад, но был более известен как ‘Умарил Мухаммад. Имя с патронимом одного (‘Умарил Мухаммад), становилось личным именем другого (‘Умарил-Мухаммад).

Нисба (نسبة) – является одним из компонентов средневекового²³ арабского имени собственного. Ее функция заключается в том, чтобы выразить отношение носителя к определенному месту, группе, человеку, идеям и пр. Анализ дагестанских источников (исторических и биографических сочинений, колофонов рукописей, эпиграфики (кладбищенской и надписей на оружии и украшениях), памятников деловой и личной переписки и др.) показывает, что основой образования *нисбы* в Дагестане служил географический фактор, в подавляющем большинстве они образованы от ойконимов (включая астионимы, городские хоронимы, комонимы) и хоронимов. Таким образом, посредством *нисбы* устанавливалась связь человека с общиной и или союзом общин, к которой принадлежал носитель имени, демонстрируя характер внутридагестанской идентификации и самоидентификации. Правила формирования и функционирования дагестанской письменной антропонимии соответствуют классической арабской системе, в том числе и в части, связанной с *нисбой*.

В связи с тем, что вопрос статусного разграничения города и селения вообще и в условиях Дагестана, в частности, является сложным и спорным, то существует большая проблема в выделении *нисб*, образованных на основе астионимов, т.е. названий городов. Пожалуй, только в отношении Дербента, Кумуха и Хунзаха он не вызывает сомнений. От первого астионима образованы две известные нам *нисбы* – ад-Дарбанди (الدربندی) и ал-Баби (البابي), от персидского и арабского вариантов наименования города *Дарбанд* и *Баб ал-Абваб* соответственно. Что касается других крупных дагестанских населенных пунктов, то в отношении некоторых из них в арабоязычных текстах используются термины *бáлда* (بلدة), со значением город или городок, но в то же время встречается и термин *ка́рйа*, т.е. селение. К примеру, мы выявили употребление термина *бáлда* в отношении населенных пунктов Дербент, Кумух, Хунзах, Ахты, Акуша, Тарки, Эндирей, Куба, Нижнее Казанище, Маджалис, Нижний Дженгутай, Ругуджа, Аксай, Согратль, Анди, Джар, Кубачи и Башлы. Это крупные населенные пункты, выполнявшие роль политических, культурных, экономических, торговых и ремесленных центров всего Дагестана или некоторых ее регионов в определенные периоды времени или на всем протяжении обозримой исторической перспективы. От названия населенного пункта Кумух исходят *нисба ал-Кумуки, ал-Гумуки, ал-Гази-Гумуки* и *ал-Гази-Кумуки* (القمقى, القموقى, الغازى قموقى, الغموقى, الغازى غموقى); от названия

23. *Нисбы*, но уже в качестве фамилий, используются и в настоящее время.

населенного пункта Хунзах – *ал-Хунзахи* (الخنزخى)²⁴, но в то же время хунзахец мог носить *нисбу ал-Авари* (الاورى). Это связано с тем, что Хунзах являлся центром историко-культурной области и крупной политической структуры – Авар. Интересно, что существуют *нисбы*, образованные от названий кумухских и хунзахских кварталов – *ал-Кибуди* (Къйбуди, «القبدى»), *ал-Хухали* (Гьуккал, «الهخالى»), *ат-Талти* (ТалтIа, «الطلتى»)²⁵. Т.е. *нисбы* в Дагестане могли образовываться и от городских хоронимов – названий внутригородских объектов.

Если примеры образования *нисбы* от астионимов и урбонимов относительно немногочисленны, то *нисбы* от топонимов, которые можно отнести к комонимам, составляют основную массу дагестанских *нисб* и основу идентификации человека.

Множество дагестанских *нисб* образовано от хоронимов – имен собственных территорий, имеющих определенные границы (исторические области, союзы общин), к примеру – ал-Кили («القلى», союз общин Келеб), ал-Карахи («القراخي», союз общин Карах), ал-Хидали («الهدلى», союз общин Гид или Гидатль), и др. Подобные *нисбы* могут служить как основными (первыми), что встречается редко, так и дополнительными. В качестве примеров того, что *нисбы*, образованные от хоронимов, служили основными, можно привести имена известных богословов ‘Али ал-Кили (из Келеба) и Мухаммада-Тахира ал-Карахи (из Караха).

В случае, если дагестанский ученый-богослов пребывал на Востоке или оставался там для постоянного жительства, в качестве основной в его отношении использовалась *нисба ад-Дагистани* (الداغستاني)²⁶, образованная от названия исторической области, откуда он происходил. В Дагестане же эта *нисба* выполняла роль дополнительной, указывая на постоянное пребывание ее носителя вне пределов исторической Родины [13, с. 585; 2, с. 27, 35, 37–38]²⁷, либо на его известность вне ее пределов, как, например, книжного издателя Мухаммада-Мирзы Мавраева [3, с. 166].

Тот факт, что основой дагестанской *нисбы* служило название родного населенного пункта (общины) ее носителя, а дополнительно название политической структуры (союза общин), откуда он происходил, не случаен. Здесь мы видим закрепление традиционного для региона способа идентификации личности в рамках арабо-мусульманской антропонимической системы. Внутри общины человек определялся по имени. Если имя было распространенным, то оно применялось в сочетании с именем отца. Например, Мухаммад, сын Мусы (на аварском языке – Мусал МахIамад²⁸). Как вариант, поскольку имя Мухаммад очень распространено, человек мог обозначаться просто как сын Мусы – Мусалав. Если и этого было недостаточно для персонализации, то применялись названия их «домов» (фактически это фамилия; на аварском – *рукъ*), родов, кварталов проживания или прозвища. За пределами населенного пункта его имя произносилось в сочетании с наименованием общины (селения), к которой он принадлежал [14, с. 66, 69–70].

24. Рукопись по мусульманскому праву. Дата переписки: 1735 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №2330.

25. Что является весомым аргументом в пользу того, чтобы считать данные населенные пункты городами.

26. Редко, но можно встретить данную *нисбу* в форме «الطاغستاني» (ат-Тагистани). Ее использование характерно для тех, кто работал в рамках турецко-османской письменной традиции.

27. ‘Али ал-Гумуки (Каяев). «Тараджим ‘уламаи Дагистан» ... Л. 22;

Шу‘айб ал-Багини. Табакат ал-хваджган ан-накшбандийа ва-садат маша‘их ал-халидийа ал-махмудийа («Поколения накшбандийских наставников и шейхов братства Хадидийа-Махмудийа»). Рукопись на арабском языке. С. 449.

28. Между Мусал и МахIамад может добавляться «вас» (сын), но это очень редкое явление.

Наш опыт работы с дагестанским арабоязычным письменным наследием позволяет отметить следующие особенности, которые важны при чтении и идентификации местных *нисб*.

1. Первичная цель *нисбы* – идентификация человека, соответственно стояла задача как можно более адекватно и близко к произношению и звучанию передать название эпонима. При написании *нисб* в арабском тексте возникало несколько проблем. В арабском языке отсутствует группа согласных, которые имеются в дагестанских языках. В частности, – г, п, ч, чІ, чІчІ, ж, къ, кІ, кк, кІкІ, лъ, хъ, хь, ц, цц, цІ, цІцІ; во-вторых, отсутствуют гласные «о», «э», «ю», «е», «ё», присутствующие в языках народов Дагестана. Из ситуации выходили использованием литер, близких по звучанию, или же букв аджама²⁹.

Примеры: ЧОхъ (Чох) – «الچوخی» (*ал-Чухи*) или «الجوخی» (*ал-Джухи*) [3, с. 161, 164, 166]; ПахъáлчІи(б) (Ахалчи) – «العكلجی» (*ал-Ак(х)алджи*) или «العکلچی» (*ал-Ак(х)алчи*) [15; 16, с. 177]; Гинйчукъ (Гиничутль) – «الکنچوقی» (*ал-К(Г)иничуки*), «الکنشقی» (*ал-К(Г)инишуки*) [16, с. 60, 61, 175], встречаются и иные варианты; и т.д.

Еще один пример. Анализ *нисб*, образованных от населенных пунктов, имеющих в своем названии букву «Къ»³⁰ (Къохъ (Тлох), Къадáл (Тлядал), БакъáйичІи(б) (Батлаич), Мийáкъо(б) (Миатлы), Хелéкъури (Хелетури), Гъáмсукъ (Гамсутль), ЦІилйкъ (Цилитль), Зубúкъ (Зубутль), т.е. как в начале, так и в середине и конце) показывает, что она передается графемами «ق», «ط» и «ڤ». Единично, но встречается передача данной фонемы посредством сочетания букв «طل». В данном случае, передана не фонема «Къ», а *нисба* записана исходя из кумыкского наименования населенного пункта Зубúкъ – Зубутлú.

2. В подавляющем большинстве случаев *нисбы* имели устойчивые формы, но их написание не было стандартизировано. Поэтому можно встретить *нисбы* с разной орфографией. Подобных случаев множество, а в качестве образца можно привести передачу *нисбы* «ал-Кудали» с долготой (алиф) и без: 17] «الكدالی»; «الكدلی», с. 225, 229; 2, с. 5, 25].

В целом же прослеживается тенденция увеличения числа долгот (ا, و, ي) в *нисбах* с течением времени.

Другой пример разного написания *нисбы*, это когда использовались разные, но схожие по звучанию буквы. Самыми известными примерами могут служить ал-Кумуки и ал-Гумуки с вариациями (см. выше), и различное написание *нисбы* ас-Сугури (из Согратля; Сугъра́ль). Последняя до XIX в. записывалась через букву «сад» («الصغوری»³¹, «الصغرلی»³², а позднее через «са» («18») («الثغوری», с. 128]. При этом наиболее адекватной для передачи наименования населенного пункта Согратль (Сугъра́ль) служила бы буква «син» («س»). Данный казус мы можем связать с тем, что первоначально этимология топонима возводилась к арабскому слову «صغری» – «малый», или

29. Безусловно, образцом служил персидский алфавит. Но при этом аджам дагестанских языков развивался самостоятельным путем. Об этом могут свидетельствовать отказ от употребления персидской буквы «پ» («п») в пользу «ф», и применение литеры «з» для передачи звука «ц» (цІ – «з»), а не «ж» как это имеет место в персидском письме.

Первое использование букв аджама в Дагестане мы фиксируем в 1318 г. в сел. Худуц. Для передачи буквы «ч» в личном имени Чупан использована арабская «шин» с тремя дополнительными точками, проставленными внизу.

30. Имеется лишь в аварском алфавите.

31. Рукопись по грамматике арабского языка. Дата переписки: 1657 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №1861.

32. Рукопись по риторике. Дата переписки: 1733 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. № 1195.

к аварскому термину «цагъур» (ларь для хранения зерна), а затем к арабскому слову «ثغور» со значением «приграничная крепость».

3. Встречаются примеры, когда *нисбы* образованы не в соответствии с грамматическими правилами. Населенный пункт Ругуджа именуется на аварском языке *Ругъ-жа́б*, причем конечное «б» является локативом. Следовало ожидать, что *нисба*, образованная от *Ругъжаб*, должна быть ар-Ругжаби, но она традиционно указывается как ар-Ругжи (фиксируется с самого начала XVII в). Можно предположить, что *нисба* имеет подобную форму, поскольку опущен локатив, но в таком случае *нисбу* следовало бы указывать как ар-Ругжави («الرغجوى»)³³. В подобной форме мы ее встречаем лишь однажды в 20-х гг. XX в. в тексте известного ученого-богослова ‘Али ал-Гумуки (Каяева), который в одном из случаев решил следовать нормам арабского языка. Он же однажды указал *нисбу* ал-Мухи («المحى»); из Мегеба) в правильной грамматической форме ал-Мухуви («المحوى»)³⁴.

4. В контексте последнего примера следует обратить внимание на то, что в отношении выходцев из разных населенных пунктов, наименования которых сходны или звучат схоже, могут применяться идентичные по написанию *нисбы*. Например, ал-Мухи («المحى») может относиться как к Мегебу (МохIбб), так и к Мути (МухIй), ал-‘У/‘Ири (العري) – к Ирибу (Гириб) и Урибу (Гуриб)³⁵, ал-Ба(и)лаку(а)ни (البلكنى) – к Балахани (Балáхьуниб) и Белокану (Билакáниб / Билкáн). Имеются и иные примеры.

5. Есть случаи, когда привязка населенного пункта по *нисбе* может быть осуществлена только по контексту. Например, распространенная *нисба* «الزرهكرانى» аз-Зирихикирани (аз-Зерихгерани) [19, с. 20, 24], традиционно ассоциируется исключительно с Кубачи, в то же время изучение письменного наследия показывает, что данной *нисбой* пользовались и аштынцы [10, с. 1096], а возможно еще амузгинцы и дацамажинцы.

6. Ошибку в идентификации могут совершить не только современные исследователи. В дагестанских хроникальных записях можно встретить указание на приобщение кубачинцев к исламу в 705 г. х. (1305/06 г.) усилиями убитого Хасана Правдивейшего (ас-Сиддик) из Ширвана (аш-Ширвани). Вероятно, его ширванское происхождение является ошибкой переписчиков, которые самостоятельно интерпретировали редкую и неизвестную им *нисбу* аш-Шири (или аш-Ширини), как аш-Ширвани [20, с. 108].

7. Можно встретить примеры, когда *нисбы* даются в переводе на арабский язык. Классическим образцом является *нисба* ал-Кумасрави (الكمثرأوى)³⁶, образованная от комонима Гимры (Генуб). Генуб с аварского языка можно перевести как «Грушевое» (букв.: «У груш»). «Кумасра» (كمثرى) – это груша на арабском языке.

Известны другие подобные дагестанские *нисба*, образованные при помощи перевода топонима на арабский язык. Например, название селения НáкIкIкIкь (Накитль) можно перевести с аварского языка как «В облаках». Известна *нисба* ал-Гаммаи (الغمامى), являющаяся арабской калькой [3, с. 164].

33. Для сравнения можно привести *нисбу*, образованную от названия селения Асаб (Гасаб) (конечный «б» – локатив – «العسوى») (*Шу‘айб ал-Багини*. Табакат ал-хваджаган ан-накшбандийа ... Л. 185).

34. ‘Али ал-Гумуки (Каяев). «Тараджим ‘уламаи Дагистан» ... Л. 42.

Эти примеры, когда несмотря на ошибочность написания, *нисбы* не исправляются, служат дополнительным обоснованием их устойчивости.

35. *Нисба*, образованная от населенного пункта со схожим звучанием Ури (Гури), передается с долготой «вав» (العورى).

36. *Шу‘айб ал-Багини*. Табакат ал-хваджаган ан-накшбандийа ... Л. 148.

8. Необходимо отметить, что *нисбы*, образованные от вышеуказанных комонимов встречаются и без использования переводов на арабский язык в форме «النكفی»³⁷ (ан-Накики (Накитль)), «الکمرای» с [21, с. 121] и «الکنوی»³⁸ (ал-Г(К)имрави и ал-Г(К)енуви (Гимры)). Расхождения в последнем случае обусловлены тем, что наименование населенного пункта на аварском языке звучит как Гёнуб, а на кумыкском как Гимр́а.

В качестве аналогичного примера, когда экзотопоним может служить основой образования *нисба*, можно привести *нисбы*, образованные от названия населенного пункта Арчиб (Аршиштти – на арчинском языке; Рóчиб – на аварском языке, Арчй – на лакском языке), где превалирует ар-Ручи («الروچی», «الروجی»), но встречается и ал-Арчи («الأرچی»), причем даже в одном и том же сочинении [2, с. 52, 211]³⁹.

Обратный пример из этой же области это *нисба*, образованная от наименования селения общеизвестного как Аракул (Аракъул). Сами сельчане именуют его Дуку (Дюкъу(л)), и *нисба* употребляется ад-Дуки [22, с. 32].

Имеются случаи, когда форму *нисбы* трудно объяснить. Это относится к ал-Ахти (الاختی), образованному по наименованию селения Ахты. Дело в том, что данный населенный пункт всем был известен как Ахцах (Ахцáгъ), но в русском языке закрепились его письменная форма, образованная от общеизвестной арабской *нисбы* ал-Ахти.

9. Нельзя обойти вниманием вопрос образования *нисб* от двусоставных наименований населенных пунктов – Верхний Яраг, Нижний Яраг, Верхний Стал и пр. В подобных случаях *нисбы* образуются по следующему типу – «الاسطالی السفلی» (ал-Астали ас-Суфла), «الیراغی العلی» (ал-Йараги ал-‘Али), «الیراغی الاعلی» (ал-Йараги ал-А‘ла), «الیراغی الاسفلی» (ал-Йараги ал-Асуфла) [22, с. 189, 437]⁴⁰. Т.е. используется перевод части топонима.

Нижний Казанище по количеству населения значительно крупнее Верхнего. В данном случае относительно Верхнего Казанище используется *нисба* «الغزانیشی الصغری» (ал-Газаниши ас-Сугра) [2, с. 149, 218], в отношении же Нижнего просто «الغزانیشی»⁴¹ (или «الغزانیشی»; ал-Газаниши).

10. На практике можно встретить и сокращенные *нисбы*. Например, в отношении лиц, связанных с селением Шихикент («кент» означает селение на кумыкском языке), используется *нисба* ал-Шихи (الشخی)⁴². Но не всегда компоненты село или хутор отсекаются. Примером может служить Хаджалмахи («махьи» – хутор на даргинском языке) с *нисбой* ал-Хаджала(л)махи с вариациями в написании «الحجعلمکی» или «الحجعلمکی» [16], с. 219].

11. Женские *нисбы* встречаются довольно редко. Здесь мы можем наблюдать две формы, когда она приводится в женском и мужском роде. Образцы: Фатимат ар-Ругжйа (Фатимат из Ругуджа); ‘Аиша ал-Курудийа (Аиша из Корода) [23, с. 63, 69]; Фатимат бинт аш-шайх ал-хаджж Арслан-‘Али ал-Газаниши (Фатимат, дочь шейха,

37. Рукопись по исламскому праву. Дата переписки: 1852/53 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. № 69.

38. Рукопись по мусульманскому праву. Дата переписки: 1904 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №1387.

39. Шу‘айб ал-Багини. Табакаат ал-хваджаган ан-накшбандийа Л. 137.

40. Рукопись по грамматике арабского языка. Дата переписки: 1880 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №1311.

41. ‘Али ал-Гумуки (Каяев). «Тараджим ‘уламаи Дагистан» Л. 144.

42. Рукопись по грамматике арабского языка. Дата переписки: 1844 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №2004(а).

Известно много подобных примеров, в частности, ат-Тобаки («الطباکی», от Тебекмахи), ал-Карабудаги («الکریداغی», от Карабудахкент) и др.

хаджия Арслан-‘Али ал-Газаниши (из Нижнего Казанище) [24, с. 68–71]; Фатимат бинт ал-кади Ша‘бан ал-‘Убуди⁴³ (Фатимат, дочь кадия Ша‘бана ал-‘Убуди (из Обода)). В последних примерах используется не форма женского рода с окончанием *-ийа*, а мужского, с окончанием *-и*, т.е. *нисба* отца.

12. *Нисбы*, характеризующие профессиональную деятельность и идейную принадлежность (к определенному мазхабу, суфийскому братству и др.) не прижились в Дагестане. В качестве редкого образца можно привести имя Махад б. Аййуб ал-Фалаки ал-Чухи, где ал-Фалаки означает астроном [25, с. 56–65, 59].

13. *Нисба*, образованная от названия профессии, может носить и усеченную форму, как например, *ас-Саййад* (от *ас-Саййади* – рыбак, охотник). Усеченные *нисбы*, которые могут рассматриваться и как *лакаб*, без суффикса «-и», отмечены в Дагестане, конкретнее в Дербенте, – *ал-Варрак* (производитель бумаги) и др. [26, с. 217]. Подобные *нисбы* являются редчайшим исключением.

14. На надгробных стелах *нисбы* употребляются, но очень редко, зачастую только тогда, когда захоронен чужеземец. Это же можно отнести к строительной эпиграфике. Как пишет А.Р. Шихсаидов: «Обычно в строительных надписях *нисба* отмечается в тех только случаях, когда строитель не является жителем данного селения» [27, с. 237, 421].

15. *Нисба* в некоторых случаях может ввести заблуждение. Можно привести следующий пример. Когда Мухаммад ал-Йараги покидал свой родной Вини-Яраг, он в качестве имама местной мечети оставил (в 1830 г.) ругуджинца Сугур-бека. Впоследствии его сын Курбан-Мухаммад и внук Халид вплоть до 1914 г., как минимум, продолжали пользоваться *нисбой* ар-Ругжи ал-Андалави, и даже присовокупляли *нисбу* ал-Авари, как маркер этнической идентификации. В то же время, они не пользовались *нисбами*, образованными от названий тех населенных пунктов, где они проживали, а это Кахцуг, Пиркент и др. [22, с. 38, 69, 73, 163, 182, 187, 200]. При этом они вряд ли когда-либо бывали на родине своего предка Сугур-бека.

Другой подобный пример – это ‘Умар б. ‘Абдуссалам ал-Хунзахи ад-Дагистани. Он жил в Мекке во второй половине XVIII в., никогда не бывал на своей исторической родине, но при этом известен под указанными выше *нисбами* [28, с. 125–126, 128]⁴⁴.

16. Примеры, приведенные выше, являются скорее исключением. По *нисбам* и иным компонентам полного имени можно читать историю человека и семьи. Поскольку дагестанцы предпочитали использовать имя в формате *‘урф*, т.е. достаточном для идентификации, а это, как правило, – имя и *нисба*, или имя, один *насаб* и *нисба*, то наиболее полную информацию нам предоставляют биографические словари, где авторы стараются приводить расширенные данные. В качестве примера можно привести полное имя известного дагестанского богослова Са‘ида ал-Харакани (Араканского). ‘Али ал-Гумуки (Каяев) в своем труде «Тараджим ‘уламаи Дагистан» («Биографии дагестанских ученых-богословов») приводит его имя следующим образом: Са‘ид ал-Харакани б. Мухаммад б. аш-шайх Абу-Бакр ал-‘Аймаки. В этом же словаре мы встречаем упоминание имени его деда: ал-хаджж Абу-Бакр ал-‘Аймаки б. Му‘авийа б. Му‘авийа б. ‘Абдала-дибир ал-Буцри. В то же время встречается и имя ученого

43. ‘Али ал-Гумуки (Каяев). «Тараджим ‘уламаи Дагистан» ... Л.15.

44. Рукопись в жанре назиданий (проповедей). Дата переписки: 1800–1820 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №2960.

прапрадеда – Му‘авийа ал-‘Аймаки⁴⁵. Таким образом, его полное имя может быть приведено как Са‘ид ал-Харакани б. Мухаммад б. аш-шайх ал-хаджж Абу-Бакр б. Му‘авийа б. Му‘авийа ал-‘Аймаки б ‘Абдала-дибир ал-Буцри. Т.е. его прапрадед жил в сел. Буцра и, судя по приставке к имени дибир (служитель культа), был образованным человеком. Его прадед переехал в сел. Аймаки, и исходя из того, что он включен в биографический словарь, также был богословом. Его дед Абу-Бакр ал-‘Аймаки – один из известнейших ученых Дагестана конца XVIII в. и по свидетельству лакаб совершил хадж и был суфийским шейхом. Также мы знаем, что отец Са‘ида Мухаммад занимался перепиской книг, осел в Аракани, в привязке к которой его сын получил нисбу ал-Харакани.

Следует указать, что приведение имен в формате Абу-Бакр ал-‘Аймаки и Са‘ид ал-Харакани достаточны для понимания о ком идет речь.

Есть случаи, хотя и не частые, когда стараются в полной мере отразить свое имя. В качестве образца можно привести Саййида ‘Абдурахмана, сына шейха Джамалуддина ал-Хусайни ал-Кибуди ал-Гази-Гумуки ад-Дагестани [29, с. 11, 25, 27, 181]. Из имени следует, что он был саййидом – потомком пророка, а конкретнее его внука Хусайна, происходил из кумухского квартала Кибуди, что в Дагестане, и был сыном суфийского шейха Джамалуддина. Впрочем, он часто сокращал свое имя до Саййид ‘Абдурахман ал-Хусайни ад-Дагестани, а в текстах упоминается как Абдурахман, сын шейха Джамалуддина ал-Гази-Гумуки [30, с. 62].

В качестве примера можно привести типичный образец полного имени в суфийском «Табакат»: ал-‘алим аш-шайх ал-хаджж Джабраил-афанди аз-Захури, затем ал-Лакити. Полное имя показывает, что рожденный в Цахуре Джабраил, признавался ученым боголовом, стал суфийским шейхом, совершил хадж и переехал на постоянное место жительства в Лакит [31, с. 184]. Полное его имя приведено в разделе о его биографии, а в тексте он упоминается как аш-шайх Джабраил аз-Захури (Цахурский).

Выше мы постарались привести примеры дагестанских *нисб* и некоторые особенности, связанные с их отображением и использованием. При этом следует указать, что не все может быть изложено в рамках одной статьи. Приведенные тезисы показывают, что чтение и интерпретация *нисб* требуют обширных знаний местной топонимии и письменной традиции. Можно констатировать, что назрела необходимость создания словаря дагестанских *нисб*. Практическая сфера его использования – это помощь составителям каталогов рукописей и литографских книг. Подобный словарь позволит избежать того огромного количества ошибок, которые допущены, например, в издании «Каталог арабских рукописей Института рукописей им. К.С. Кекелидзе Академии наук Грузии» в чтении *нисб* и идентификации личностей, на которые они указывают.

Имеющиеся наработки показывают, что *нисб*, образованных от дагестанских *ойконимов*, чуть более шести сотен, а *хоронимов* – не более пятидесяти. При имеющемся обширном изученном материале в виде изданных каталогов⁴⁶, и учитывая, что подготовлено описание рукописей, хранящихся в Институте истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, а их более трех тысяч, то подготовка справочника дагестанских *нисб* видится решаемой в ближайшей перспективе.

45. ‘Али ал-Гумуки (Каяев). «Тараджим ‘уламаи Дагистан» ... Л. 34, 38, 55.

46. В данной работе мы могли бы ограничиться примерами непосредственно из рукописей, но умышленно привели их из опубликованных источников, литературы и каталогов для демонстрации их разнообразия.

Образцом схемы для подготовки словаря может служить следующая таблица.

Наименование населенного пункта или исторической области на русском языке (современный статус) / Наименование на дагестанских языках	Варианты передачи нисбы в русскоязычных текстах	Форма нисбы (включая сочетания) с указанием места хранения и датировку	Форма нисбы (включая дополнительные нисбы) с указанием места хранения и датировку
Унцукуль (селение) / Унсóколо (авар.)	Унцукульский, из Унцукуля, ал-Унсоколи, ал-Унсоколави	Рукопись, 1778 г. (Место хранения: ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №702)	(الأنصكلى)
		Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 103б.	(الانصكلى)
		Мухаммадтахир ал-Карахи. «Книга о значимости ...». С. 118.	(الانصكلوى)

Подобная таблица учитывает вариативность написания *нисб*, привязку *нисб* к топонимике, а также возможность выявления общих закономерностей их написания, исходя из наименования населенных пунктов на дагестанских языках. Приведение дат к форме *нисбы* позволит проследить их трансформацию с течением времени. Последнее может оказаться действенным способом при датировке рукописей. При этом видится, что оптимальным будет внесение в таблицу *нисб*, написание которых точно датировано. Тем более, что объем исходного материала с установленным временем создания допускает подобный подход без ущерба для репрезентативности. Таблицу следует строить по арабскому алфавиту, а вариации *нисб*, относящиеся к населенному пункту, указывать в хронологической последовательности.

Самой сложной частью таблицы, пожалуй, является второй столбец – указание вариантов передачи *нисба*. В этом будут возникать проблемы, но они все разрешаемые, и это демонстрирует наша практика разработки таблицы.

Завершая с *нисбами* и возвращаясь к антропонимике в целом, следует указать на еще одну практическую проблему – это передача антропонимии посредством кириллицы. Здесь следует указать, что автор является сторонником изложения в каталогах (в исследованиях эпиграфики, и пр.) названий, имен авторов сочинений, переписчиков, владельцев с помощью оригинальной арабской графики [32, с. 246–249]⁴⁷. В то же время невозможно избежать указания имен, если не в каталогах, то в исследованиях с помощью кириллицы. Здесь возникает сложность, вызванная тем, что именно

47. Система, разработанная И.Ю. Крачковским и А.А. Ромаскевичем, призванная транслитерировать арабские имена, названия сочинений и термины кириллицей и латиницей, устарела. Она должна была облегчить публикацию арабских текстов в доцифровую эпоху, когда набор восточного текста представлял сложность. Использование данной громоздкой системы в современных условиях лишено смысла, тем более, когда она дублирует арабский текст. Сегодня набор и публикация текста арабскими буквами существенно проще, нежели транслитерация с использованием специальных знаков. Кроме того, специалисту удобнее и информативнее читать арабским шрифтом, а зачастую и совершенно необходимо, а неспециалисту достаточно и упрощенной транскрипции.

использовать, – транслитерацию или транскрипцию, и в каком формате, поскольку одни и те же имена и их части пишутся и произносятся по-разному. Легче всего это отобразить на примере личности, чье творчество и жизненный путь хорошо изучены, имеется обширная литература – Абдурахмана из Согратля.

Его имя на кириллице можно встретить в следующих вариациях: *‘Абд ар-Рахман б. Ахмад ал-Сугури*; *Абд ар-Рахман (б. Ахмад) ас-Сугури*; *‘Абдуррахман ас-Сугури*, *Абдуррахман ас-Сугури*, *Абдурахман ас-Сугури*, *Абдурахман Сугури*; *Абдурахман из Согратля*; *Абдурахман Согратлинский*; и даже *Абдурахман ас-Сугъури*. Еще более усложняется передача данного имени, когда в русском тексте к имени собственному присовокупляется через дефис шейх или *шайх*, *хаджи*, *хаджжи*, *гаджи* или *хIажи*. Как мы видим, используются совершенно разные методы – упрощенная транслитерация (без отображения всех букв в точности и указания долгот), сочетание упрощенных транслитерации и транскрипции (указано васлирование), упрощенная транскрипция, упрощенная транскрипция в сочетании с переводом части полного имени, использование букв аварского алфавита. При этом зачастую мы наблюдаем сочетание части этих способов в рамках одного исследования⁴⁸.

Другим примером может служить передача имени автора арабоязычного сочинения «Улада умов в биографиях дагестанских ученых» Назира ад-Дургели. Если исходить из упрощенной транскрипции, которая применена с учетом васлирования в статье, оно должно было звучать как Назир ад-Дургили. Но если авторы хотели передать *нисбу* максимально близко к звучанию, то она должна была быть не ад-Дургели, а ад-Доргели. Т.е. мы имеем дело с сочетанием способов в рамках передачи одного имени. Логичным было бы указывать или ад-Дургили, или ад-Доргели.

Данный вопрос актуален и для журнала «История, археология и этнография Кавказа», где за 2021 г. издано 54 статьи и в 15 из них потребовалась передача антропонимии, зафиксированной на арабском языке или арабскими буквами. Возможно, выходом из положения был бы опыт издательства «Brill», специализирующегося на публикации востоковедной литературы, и которое предлагает использовать в своих изданиях собственную систему транслитерации на латиницу арабографических наименований, имен и терминов. Но имея дело с публикацией дагестанского письменного наследия, мы сталкиваемся с некоторыми сложностями, например, имя известного ученого «*بغجلو المجدى*» при транслитерации – Багуджалав ал-Маджади, при упрощенной транслитерации – Багуджалав ал-Маджади, при этом его звали Багуджалав (Багуджалав), а происходил он из селения Мачада, то есть его *нисба* звучала как ал-Мачади. Соответственно, при передаче упрощенной транскрипцией кириллицей имя будет выглядеть как Багуджалав ал-Мачади. Здесь мы видим безусловное преимущество упрощенной транскрипции над разными вариантами транслитерации. Этот тезис можно продемонстрировать и на иных примерах. Упрощенная транслитерация, использованная в востоковедной литературе [2, с. 149], имени «шейха, совершивше-

48. Мы исходим из того, что: транскрипция – это точная передача всех тонкостей произношения языка независимо от его графических и орфографических норм, в том числе с использованием особой системы знаков, употребляемая в научных целях; транслитерация – передача букв одной письменности посредством букв другой письменности, в том числе с использованием особой системы знаков.

Под упрощенной транскрипцией и упрощенной транслитерацией мы понимаем, соответственно, передачу произношения языка или передачу букв одной письменности посредством букв другой письменности без использования дополнительных знаков или с ограниченным их применением, не позволяющим в полной мере учесть произношение и графику языка.

го хадж», выглядит как Айди б. Муртада⁴⁹ ал-Газаниши ас-Сутра. При упрощенной транскрипции учитывается, что имя его отца звучало в оригинале как Муртаза, а более близкой к оригиналу будет передача *нисбы* как ал-Казаниши ас-Сутра, а более понятным изложением *нисбы* – из Верхнего (Малого) Казанище или Верхнеказанищенский. Исходя из вышеизложенного, видится, что оптимальным путем передачи дагестанской антропонимии является использование оригинальной арабской графики при первом упоминании, а в дальнейшем по тексту отображение упрощенной транскрипцией максимально близко к звучанию на дагестанских языках⁵⁰.

Понятно, что любая система передача имен «чужим» алфавитом имеет свои достоинства и недостатки, и вряд ли может быть выработана общая для всех публикаций система. Поэтому продуктивным видится использование единого подхода в рамках одной публикации, т.е. использование на протяжении всего публикуемого исследования или упрощенной транскрипции, или упрощенной транслитерации, или сочетание транскрипции с «переводом» части имени – *нисбы*. При этом обязательным видится и указание имени оригинальной графикой, при первом или «основном» упоминании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Beeston A.F.L. *Arabic nomenclature: a summery gid for beginners*. Oxford: University Press, 1971.
2. Назир ад-Дургели. Услада умов в биографиях дагестанских ученых // Дагестанские ученые и их сочинения / пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. – М.: Издательский дом Марджани, 2012.
3. Османова М.Н. Каталог печатных книг на арабском языке, выпущенных дагестанскими издателями в России и за рубежом в начале XX века (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН – Ф. 15. Оп. 1. Фонд М.-С. Саидова). Махачкала, 2008.
4. Каталог арабских рукописей и старопечатных книг: коллекция Усмана-хаджжи из Келеба / Отв. ред. и сост. Наврузов А.Р. Махачкала: Алеф, 2019.
5. Мусаев М.А. Дагестанские арабоязычные биографические сочинения второй половины XIX – начала XX в.: хрестоматия. – Махачкала: АЛЕФ, 2020.
6. Мусаев М.А. Запрет на употребление алкоголя в Исламе: религиозные императивы и практика на примере Дагестана XVII – первой половины XIX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. №4. С. 92–117.
7. Мусаев М.А. Биографии дагестанских ученых-богословов противников имама Шамиля в изложении ‘Али ал-Гумуки (Каяева): перевод, комментарии // Фундаментальные исследования. 2014. №6 (Ч. 3). С. 632–639.
8. De Bruijn J.T.P. Takhalus // *The Encyclopaedia of Islam*. New Edition. – Leiden: E. J. Brill, 2000. Vol. X.

REFERENCES

1. Beeston AFL. *Arabic nomenclature: a summery guide for beginners*. Oxford: University Press, 1971.
2. Nazir ad-Durgeli. A journey of the minds through the biographies of the Islamic scholars of Dagestan. In: Shikhsaidov AR, Kemper M, Bustanov MK (transl., comm., facsimile, indices, bibliogr.). *Dagestan scholars and their studies*. Moscow: Marjani Publ., 2012.
3. Osmanova MN. *Catalog of printed books in Arabic, published by Dagestan publishers in Russia and abroad at the beginning of the 20th century* (RF IHAЕ DSC RAS. F. 15. Inv. 1, M.-S. Saidov Collection). Makhachkala, 2008.
4. Navruzov AR (ed., comp.). *Catalog of Arabic manuscripts and early printed books: the collection of Usman-Hajji from Keleb*. Makhachkala: Alef, 2019.
5. Musaev MA. *Dagestan Arabic biographical writings of the second half of the 19th – early 20th centuries: anthology*. Makhachkala: ALEF, 2020.
6. Musaev MA. Alcohol Prohibition in Islam: Religious Imperatives and Practice on the Example of Dagestan in the 17th – First Half of the 19th Centuries. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii I za rubezhom*. 2016, 4: 92–117.
7. Musaev MA. Biographies of Dagestani theologians who opposed Imam Shamil as presented by ‘Ali al-Gumuki (Kayaev): translation, comments. *Fundamentalnie Issledovaniya*. 2014, 6(3): 632–639.
8. De Bruijn JTP. Takhalus. In: *The Encyclopaedia of Islam*. New Edition. Leiden: E. J. Brill, 2000. Vol. 10.

49. Кроме прочего, подобное написание через «д» в корне меняет значение имени и возводит его к термину «отступник».

Классические правила арабского языка не позволяют васлирывать слово Аллах. Но в арабской устной речи, и в дагестанских именниках это правило не соблюдается, соответственно произносится не ‘Абдаллах, а ‘Абдуллах, не Ни‘маталлах, а Ни‘матуллах, и т.д. При передаче имени кириллицей и латиницей возникает проблема того как правильное отобразить имя.

50. Полагаем уместным использование «’» для передачи «‘айн», и «’» для передачи «хамзы», но в последнем случае только там, где это действительно необходимо. Примеры – «исм» и «му‘мин».

9. Ism // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition.* – Leiden: E. J. Brill, 1997. Vol. IV. – P. 179–181.
10. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Результаты эпиграфической экспедиции в Дахадаевский район Дагестана в 2020 г. // *История, археология и этнография Кавказа.* Т. 17. № 4. 2021. С. 1084–1129.
11. Шихсаидов А.Р. Письменные памятники Дагестана XIX в. (жанр биографий) // Письменные памятники Дагестана XVIII–XIX вв. Сборник статей. Махачкала, 1989. С. 5–14.
12. Мусаев М.А. Взгляд на «лекианоба» в контексте изучения правовых заключений дагестанских ученых-богословов XVIII в. // *Фундаментальные исследования.* 2013. № 10 (Ч. 14). С. 3223–3228.
13. Шихалиев Ш.Ш., Мусаев М.А. Шу'айб ал-Багини «Разряды» Хваджаган-Накшбандийа и шайховХалидийа-Махмудийа» (Табакат ал-Хваджаган ан-Накшбандийа-ва-садат маша'их ал-Халидийа ал-Махмудийа). Жизнеописание Шайха Ахмад-Афандиат-Талали // *Ars Islamica: в честь Станислава Михайловича Прозорова / сост. и отв. ред. М.Б. Пиотровский, А.К. Аликуберов; Ин-т востоковедения РАН. М. Наука – Вост. лит., 2016. С. 573–602.*
14. Мусаев М.А., Алхасова Д.М. Ругуджинские легенды и предания о Мусалаве из Кудутля // *Научное обозрение: ежеквартальный сборник статей.* Махачкала, № 42. С. 66–70.
15. Исаев А.А., Магдиев С.Я., Маламагомедов Д.М., Оразаев Г.М.-Р. Каталог рукописей на языках народов Дагестана, хранящихся в Рукописном фонде ДНЦ РАН. Махачкала, 2008. 204 с.
16. Шихсаидов А.Р. Омаров Х.А. Каталог арабских рукописей (Коллекция М.-С. Саидова). Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН, 2005.
17. Саййид Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газигумуки ад-Дагестани. Краткое изложение подробного описания дел Шамиля: Калуга, 1281 г.х.: Хуласатат-тафсил'анакхвал ал-имам Шамуил / пер. с араб., введ., коммент., указ. Н.А. Тагировой. – М.: Восточная литература, 2002. – 318 с.
18. Мухаммадтаhir ал-Карахи. «Книга о значимости стремления улучшать свои деяния по мере сил» / пер. с арабск. и коммент. Р.С. Абдулмажидова, Д.М. Маламагомедова, М.Г. Шехмагомедова. М.: Наука – Вост. лит., 2014.
19. Саидов М.-С.Д. Каталог арабских рукописей Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Вып. 1. М.: Наука, 1977. 96 с.
20. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Надмогильные стелы конца XIII – начала XVIII в. кладбища в с. Шири // *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение.* 2020. № 2. С. 107–126.
21. Шихсаидов А.Р. Каталог арабских рукописей: Коллекция Хаджжи Ибрагима Урадинского. Махачкала: Мавраевъ, 2014. 384 с.
22. Каталог арабских рукописей Института рукописей им. К.С. Кекелидзе Академии наук Грузии (Коллекция L – Выпуск II) / сост. Р.В. Гварамия, Н.Г. Канчавели, Л.И. Мамулиа, Л.В. Самкурашвили. Тбилиси, 2002.
23. Мусаев М.А. Материалы к биографии Мухаммада, сына Мусы ал-Кудуки (Часть первая) // *Вестник Института истории, археологии и этнографии.* 2014. №3. С. 61–70.
24. Оразаев Г.М., Шихалиев Ш.Ш. Письмо Фатимы, 9. Ism. In: *The Encyclopaedia of Islam. New Edition.* Leiden: E. J. Brill, 1997. Vol. IV. pp. 179–181.
10. Musaev MA, Shikhaliev ShSh, Shekhmagomedov MG. Results of the epigraphic expedition to the Dakha-daevsky district of Dagestan in 2020. *History, archeology and ethnography of the Caucasus.* 2021, 17(4): 1084–1129.
11. Shikhsaidov AR. Written monuments of Dagestan of the 19th century (genre of biographies). In: *Written monuments of Dagestan of the 18th-19th centuries. Collected articles.* Makhachkala, 1989. pp. 5–14.
12. Musaev MA. A look at the “Lekianoba” in the context of studying the legal opinions of the Dagestani theologians of the 18th century. *Fundamentalnie Issledovania.* 2013, 10(14): 3223–3228.
13. Shikhaliev ShSh, Musaev MA. Shu'ayb al-Bagini “Discharges” of Khwajagan-Naqshbandiyya and Shaykhs of Khalidiya-Mahmudiyya” (Tabaqat al-Khwajagan an-Naqshbandiyava-sadat masha'ih al-Khalidiya al-Mahmudiyya). Biography of Sheikh Ahmad-Afandiat-Talali. In: Piotrovsky MB, Alikberov AK (comps., eds.). *Ars Islamica: in honor of Stanislav Mikhailovich Prozorov;* Institute of Oriental Studies of RAS. M. Science – Vostochnaya lit., 2016. pp. 573–602.
14. Musaev MA, Alkhasova DM. Rugudzhin legends and stories about Musalava from Kudutl. *Scientific review: Quarterly collection of articles.* Makhachkala, 42: 66–70.
15. Isaev AA, Magdiev SYa, Malamagomedov DM, Orzaev GM-R. *Catalog of manuscripts in the languages of the peoples of Dagestan, stored in the Manuscript Collection of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* Makhachkala, 2008.
16. Shikhsaidov AR, Omarov HA. *Catalog of Arabic Manuscripts (M.-S. Saidov's collection).* Makhachkala: DSC RAS Publ., 2005.
17. Sayyid Abdurakhman, son of Jamaluddin al-Husayni al-Gazigumuki al-Dagestani. Brief summary of the detailed description of Shamil's affairs: Kaluga, 1281 AH: Khulasat-tafsil'anakhwal al-imam Shamuil. Tagirova N.A. (transl., introduction, comment., indices). Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 2002.
18. Muhammadtahir al-Qarahi. “A book about the importance of striving to improve one's deeds to the best of one's ability”. R.S. Abdulmashidova, D.M. Malamagomedova, M.G. Shekhmagomedov (transl., comment.). Moscow: Nauka – Vost. lit., 2014.
19. Saidov M-SD. *Catalog of Arabic Manuscripts of the Institute of History, Language and Literature of the Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences.* Issue. 1. Moscow: Nauka, 1977.
20. Musaev MA, Shikhaliev ShSh, Shekhmagomedov MG. Tombstones of the end of the 13th – early 18th centuries cemetery in the village of Shiri. *Bulletin of the Moscow University. Series 13. Oriental studies.* 2020, 2: 107–126.
21. Shikhsaidov AR. *Catalog of Arabic Manuscripts: Hadji Ibragim Uradinsky's collection.* Makhachkala: Mavraev Publ., 2014.
22. *Catalog of Arabic manuscripts of the Kekelidze Institute of Manuscripts of the Georgian National Academy of Sciences (Collection L – Edition II).* Gvaramia R.V., Kanchaveli N.G., Mamulia L.I., Samkurashvili L.V. (comps.). Tbilisi, 2002.
23. Musaev MA. Materials for the biography of Muhammad, the son of Musa al-Kudukhi (Part One). *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography.* 2014, 10(3): 61–70.

дочери шейха Хаджи Арслан 'Али из Нижнего Казанища // Вестник Института ИАЭ. 2014. № 1. С. 68–71.

25. Мусаев М.А. Традиции изучения и преподавания астрономии в Дагестане // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2011. № 3. С. 56–65.

26. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хакаик» (XI–XII вв.). М.: Вост. лит., 2003.

27. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. Москва, 1984.

28. Абдулмажидов Р.С., Шехмагомедов М.Г. Обращение Умара аль-Хунзахи к жителям Дагестана: общая характеристика и комментированный перевод // Исламоведение. 2013. № 1. С. 125–135.

29. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний / пер. с араб. М.-С. Саидова; ред. пер., подгот. факс. изд., коммент., указ. А.Р. Шихсаидова, Х.А. Омарова. Махачкала, 1997.

30. Мусаев М.А., Гусейханов С.М. Абдурахман из Газикумуха: «Падение Дагестана и Чечни вследствие подстрекательства османов в 1877 году» (предисловие, текст, перевод, комментарии) // Дагестанский востоковедческий сборник. Махачкала, 2008. Выпуск №1. С. 52–65.

31. Шуайб б. Идрис ал-Багини. Табакат ал-хваджган ан-накш-бандийа ва садат ал-машайих ал-халидийа ал-махмудийа. Дамаск, 1996.

32. Мусаев М.А. [Рец. на:] Аникеева Т.А., Зайцев И.В. Тюркские, арабские и персидские рукописи, литографии и книги Лазаревского института восточных языков в собрании Научной библиотеки МГИМО (У) МИД РФ. М.: Наука – Вост. лит., 2020. 263 с., ил. // Восток (Oriens). 2020. № 6. С. 246–249.

24. Oraziyev GM, Shikhaliev ShSh. Letter from Fatima, daughter of Sheikh Haji Arslan 'Ali from Nizhny Kazanishche. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2014, 10(1): 68–71.

25. Musaev MA. Traditions of studying and teaching astronomy in Dagestan. *Vostok. Afro-Aziatskie obschestva: istoriya i sovremennost*. 2011, 3: 56–65.

26. Alikberov AK. *The era of classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and his Sufi encyclopedia "Rayhan al-khaqa'iq" (11th – 12th centuries)*. Moscow: Vost. lit., 2003.

27. Shikhsaidov AR. *Epigraphic monuments of Dagestan in the 10th–17th centuries as a historical source*. Moscow, 1984.

28. Abdulmazzhidov RS, Shekhmagomedov MG. Appeal of Umar al-Khunzakhhi to the inhabitants of Dagestan: general characteristics and commentary translation. *Islamovedenie*. 2013, 1: 125–135.

29. Abdurakhman from Gazikumukh. Book of memories. Saidov M.-S. (transl.); Shikhsaidova AR, Omarov HA (eds., fascimilie, publ., comm., indices). Makhachkala, 1997.

30. Musaev MA, Guseikhanov SM. Abdurakhman from Gazikumukh: "The fall of Dagestan and Chechnya due to the instigation of the Ottomans in 1877" (preface, text, translation, comments). *Dagestan Oriental Collection*. Makhachkala. 2008, 1: 52–65.

31. Shuaib b. Idris al-Bagini. *Tabaqat al-khwajagan an-naqsh-bandiya wa sadat al-mashayih al-khalidiya al-mahmudiya*. Damascus, 1996.

32. Musaev MA. [Review on:] Anikeeva TA, Zaitsev IV. *Turkic, Arabic and Persian manuscripts, lithographs and books of the Lazarev Institute of Oriental Languages in the collection of the Scientific Library of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. Moscow: Nauka – Vost. lit., 2020. *Vostok (Oriens)*. 2020, 6: 246–249.

Поступила в редакцию 14.02.2022 г.

Принята в печать 26.08.2022 г.

Опубликована 15.06.2023 г.

Received 14.02.2022

Accepted 26.08.2022

Published 15.06.2023